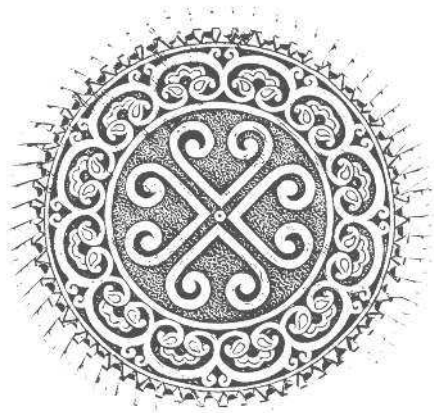

АРИАДНА БОРИСОВА

У ЗВЕЗД
ХОЛОДНЫЕ
ПАЛЬЦЫ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б82

Оформление серии *П. Петрова*

Иллюстрация на переплете *О. Исаевой*

Борисова, Ариадна.

Б82 У звезд холодные пальцы / Ариадна Борисова. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Этническое фэнтези).

ISBN 978-5-699-83305-4

Олжуна похожа на маленького дикого зверька, ей с детства приходилось выживать, а поэтому она готова на бесчестные поступки. Попытки соблазнить Хорсуна, являющегося чужим мужем, жестокость, обман и клевета все же не приносят девушке счастья. А тем временем тучи сгущаются над когда-то мирной долиной. Страшный странник сеет зло, готовя передел земного мира. В воздухе все явственнее пахнет кровью, а с высоты небес наблюдают за ошибками и болью смертных древние равнодушные звезды...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83305-4

© Борисова А., 2016
© Исаева О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Всё
знает
ЭХО

Сказание третье

Домм первого вечера¹

ИДУЩИЙ ВПЕРЕДИ

В середине Голодного месяца драчливые ветра прежде срока пошатнули ледяные рога Быка Мороза, грозного мужа старухи Зимы. Вслед за первым рогом в Коновязь Времен почти сразу рухнул второй. Уходя раньше обычного, тающее чудовище взревело от обиды бесснежной выюгой и насухо вылизало обнищавший наст. Лесные старики проснулись в берлогах, а земля почти вся уже черная. Люди заторопились к летним домам и пастбищам. Не переедешь на летники вовремя — скот потопчет сенокосные угодья возле зимних жилищ.

Еще в начале вскрытия рек Манихай пообещал жене проведать пастбище у озера Травянистого, починить стоящий там тордох. Обещать было не тяжко, но как теперь до дела донести, когда время ужалось впритык? Досада разбирала: помочь-то некому! Дома остались младший сын-калека Дьоллох и приемыши-недоростки — Атын с Илинэ.

С калымов, взятых за дочерей, семья разжилась шестью дойными коровами с приплодом, ездовым быком и табунком в двенадцать голов. Имели бы больше, однако случилось справиться калым старшему сыну. Он, как и дочери, жил далеко. Поехал однажды в гости к сестре Нюкэне и женился на тамошней девке, осел примаком в

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

чужом роду. Манихай злился: не бывало такого допрежь, чтобы мужи покидали родной кров. Сыновьям полагается привозить жен из других родов в отчий дом, вести хозяйство и ублажать отработавших свое родителей... Ан нет, все теперь не по заветам отцов!

— Много детей — плохо, мало — тоже плохо. Много скота — плохо, мало — еще хуже, — вздыхал Манихай, разговаривая со своей ленью, будто с живым существом. — Смирись, покорись, лучше труды, чем бедность...

Заведенная с утра Лахса едва рот раззявила, а ни слова сказать не успела: кликнув ребят, Манихай шмыгнул за дверь. Дорога перед быком словно сама поскакала вперед с горки на горку. Не прошло времени и полутора варок мяса, как за бугром показался двор над излучиной озера. С опаской глянул хозяин — ну как совсем развалился тордох? И от души отлегло: стоит, бедолажка!

Растянулся Манихай на лежанке, не снимая дохи, и немедленно захрапел. Лахсы здесь нет, некому жужжать над ухом, а дырья из стен никуда не сбегут, все равно придется латать. Только б лень, отдохнув, отступила перед неминуемой трудовой неволей...

Пока глава семейства хозяйничал во сне, ребята надрали в лесу кору для тордоха, загрузили сани дровяным сухостоем, чтобы не порожняком домой возвращаться. Быстро время бежит, если работа в охотку. Не заметили приближения вечера, починяя жилье. Лишь тут из дверей вылетел ошалелый Манихай со скособоленным от спешки ртом. Продрав заспанные глаза, оглядел чисто убранный двор, полные хвороста сани. Почесал всклокоченный затылок и вздохом-стоном огласил окрестности. Удивление, вину, благодарность, а пуще того — безмерное облегчение вместили в себя этот протяжный вздох.

— О-ох, молодцы! Не знал, что совсем взрослые вы у меня. Ну, стало быть, к дому!

Едва ли не втрое длиннее показался умаявшимся ребятам обратный путь. Волдыри на руках огнем возгорелись, по спинам прокатывалась знобкая дрожь. Манихай в прекрасном расположении духа восседал верхом на быке. Не понукал скотину и помощников не подгонял. Блаженно озираясь вокруг, любовался весенней землей и веселую песенку насвистывал на радость горному эху.

Недаром говорят: человек саха, как примостится на бычьем хребте — певец!

А и было чем любоваться, отчего напевать! Почки верб распушились ярко-желтой пыльцой, на склонах холмов задымились ворошки подснежников, словно непутевые ветра в мелкие клочки изорвали здесь зазевавшуюся тучку. Однако подумалось, что нынче цветов возшло небогато. В прошлую-то весну сами холмы казались облаками из-за цыплячьего пуха бутонов. Плохую примету ворожит Молочный месяц. Видать, засушливым годом решил отомстить Бык Мороза торопкой весне.

Манихай решил размять кости неспешной ходьбой и слез с быка. Не мешало нагулять к ужину приятную усталость в теле и здоровое желание еды. Почему бы ребят не порадовать какой-нибудь историей? Заслужили! Вроде бы притомились и еле ступают, а глаза-то вон как порскают по сторонам, примечая весенние новости. Юным — что, с их рук водяные мозольки вместе с грязью слезают.

Языком трепать — не лопатой махать, а рассказчик Манихай неплохой, в отца Торулása, умельца сказывать байки о ботурах да волшебниках. Отец, между прочим, и сам обладал волшебным подспорьем — имел духа-хранителя, бестелесного двойника. Может, об этом поведать ребятам?

— Ты, Дьоллох, просил рассказать о дедушке Торуласе, — начал Манихай, и дети придвинулись ближе. — Был он не простым человеком. Помнится, перед тем как ему с охоты вернуться, со двора доносился свист — любил отец насвистывать песенки себе под нос.

— Как ты, — засмеялся Дьоллох.

— Разве? — удивился Манихай. — Ну так вот, слушайте дальше. Матушка котелок к огню подвешивала и говорила: «Недалеко хозяин — мясу доспеть». Я возражал: «Явился уже», торопился дверь отворить, а во дворе пусто. Матушка, бывало, лишь улыбнется хитро. А только сготовится мясо — отец тут как тут. Заходит, весь увешанный зайцами, большой и белый, точно ходячий сугроб!

— Это дед свист вперед гонцом отправлял? А как?

— Не спеши, Дьоллох. — Манихай отогнал от себя виде-ние жарко дымящегося мяса, сглотнул слюнки. — Скоро ложка мелькает в руках голодного, а добрая история горячки не любит... Мне тогда, как и тебе, шибко хотелось выведать, как свист отца опережает. А матушка брови хмурила за его спиной: помалкивай! Я и молчал поначалу. Но любопытство хуже гнуса зудело, сил не достало терпеть. Принудил я матушку открыть секрет. «Первым знаки подает Идущий впереди», — обмолвилась она. Оглянулась сторожко и строго-настрого предупредила: «Никому не проболтайся, не то братец обидится и покинет нашего старика!»

— Что за братец?

— Ну, теперь-то можно сказать. Незримый дух, данный человеку богами для отвода несчастий. Не просто понять, друг он или стражник, хозяин или слуга... Позже матушка уверяла: по всему сдается, что боги тут ни при чем. Это-де и впрямь братец-близнец, застрявший между мирами. А жить-то любому охота, потому нерожденный приходит к земному брату на выручку и помощью этой живет. Впереди идет потому, что боится на Орто ненароком увязнуть душою, оставить свое одинокое тело в ином бытии.

— Совсем-совсем не видно его?

— Насколько известно, двойник может показаться во плоти в злую пору.

— Брату или другому?

— Э-э, так и будете вопросы задавать? Рассказать не успею до дому, — рассердился Манихай.

С укором толкая друг друга локтями, ребята примолкли.

— Чего с отцом ни приключалось — все как с ящерики хвост, сойдет скверное, и жив-здоров. Дрался на войне с гилэтами — ни царапинки не получил. Попал к барлорам в полон — ускользнуть изловчился. Заблудил волчий ветер, от которого никто не уходит! Было еще, лодка в бурю перевернулась на середине реки, и все, кто в ней сидел, потонули, а отец вдруг мель ногами достал. Словно по мосткам развернутым на берег вышел пешком. Потом люди проверили — не оказалось там никакой мели. Не зря молва толкует о тех, кто отмечен подарком богов: «Этот трижды сгинет и трижды воскреснет!»

— Разве так можно — умереть и ожить?

Манихай отмахнулся, продолжил дальше:

— А как-то, помню, побился отец об заклад, что из любых пут освободится. В лесу привязали его спорщики к дереву. Сами домой вернулись, уселись за стол. Обсасывая гусиные лопатки, гадали на косточках: развяжется ли до ночи? И тут человек зашел в низко надвинутой шапке, молвил с обидой: «Что ж меня-то с обедом не подождали?» Смотрят приятели — а это он, Торулас!

Шлепнув быка по употевшему крупу, Манихай аж крякнул в досаде:

— Эх, жаль, выиграл-то всего ничего — старую клячу! Надо честно признать, Дьоллох: твой дед меры разумной не знал в расточительстве. Ведь мог бы запросто добрую телку взять, вдобавок лосиные шкуры на лодку, котел с мясом доверху...

— И долго двойник ему подсоблял? — осмелился перебить Дьоллох, уводя отца от излюбленных рассуждений.

— Всю жизнь. До той беды, которую даже он, верный хранитель, не сумел отвадить. Однажды на празднике Новой весны отец на целых три легенды опередил приезжего сказочника и посмеялся над ним: дескать, что ж ты, любезный, издалече тащил свой невеликий запас в наш богатый лабаз? Лихо-то и приспело: оказался соперник черным шаманом. А дразнить такого, все знают, равно что руку в жилую берлогу совать... Затаил чародей на отца лютую злобу. Подкараулил его за углом юрты и метнул в голову острый топор. Ткнулся отец в стену, пригвожденный, и остался стоять с раскроенным черепом.

Ладони Илинэ вспорхнули ко рту:

— Помер!

Взбудораженные мальчишки забежали на шаг вперед, словечко боясь пропустить. Манихай ухмыльнулся:

— Вот и нет! Подбежал шаман выдернуть топор, а убиенный обернулся живехонек, да как расхохочется ему в лицо! Помчался злодей прочь, сам полумертвый от страха. После, поди-ка, смекнул, что угодил не в человека. Раскусил колдовским разумьем: не иначе есть у Торуласа Идущий впереди. Наш дед топал как раз за спиной духа-спасителя, даже испугаться не успел. Услыхал смех двойника, заметил сиганувшую в сторону тень и споткнулся о то-

пор, будто слетевший с неба. Рассмотрев хорошенько, понял, кто покушался на его жизнь. Черень был приметный, с кривизной, у нас-то исстари прямые стругают... Созвал тогдашний старейшина малый сход, кликнули чужого сказителя. Делать нечего, признал свою вещь хозяин. Сказал, что нарочно мимо кинул. Хотел якобы попугать. Аймачные не поверили и топор не вернули, оставили отцу на память. Велели ему впредь хвастать меньше — сам накликал. Чужака изгнали, да разве кто шаману указ? Прошли две весны, а на третий год в Месяц водяных духов, в красное полнолуние, поднялся во дворе дикий вой и визг. Мы с матушкой в угол забились, тоже давай орать с перепугу. Отец схватил памятный топор — и на улицу. Глядь: вертится на тропинке метельный столб, да так прытко — глазам больно смотреть. Сам узкий, как коновязь, а сверху чародейская башка вращается и вопит истошно. Влево отец — столб влево, вправо отец — столб за ним. Пришлось швырнуть в него топором.

— Попал?!

— А то, — горделиво выпрямился Манихай. — Должно быть, шамана оберегали заклятья от чужого оружия, а от своего остеречься не догадался. Замертво рухнул у крыльца. Вонзилось лезвие точнехонько в черное сердце... Отец аймачных вызвал, объяснил им, как все получилось. Старшины распорядились поскорее схоронить лиходея, пока не сделался Йором — мертвым духом мести и зла. Зря не сожгли... Завязали ему рукава крест-накрест и положили в листовничную колоду. Лишь рассвело, повез отец шаманское тело через Большую Реку подальше от Элен.

Затаив дыхание, дети тесно прильнули к Манихаю, присевшему на запятки заполненных дровами саней. Бык дернулся, не пожелал превозмочь натуги и встал.

— Уже после отцово́й смерти матушка рассказала мне, что бедняге довелось пережить. Днем труп внезапно ожил и закопшился в колоде. Доколе было светло, удавалось беспокойного усмирить. Но вот стемнело, выехали сани на алас с одинокой сосной и вылез мертвец! Слетел с саней наш старик. Бросил в воскресшего злыдня все тот же топор — посере́дь лица угодил. Нос напрочь, только ноздри в снегу мелькнули. А покамест шаман пытался ру-

кава развязать и в поисках носа ногами шарил в сугробах, отец взлетел на сосну. Пуще вызверился неугомонный и ну расшатывать ствол, лбом колотить, зубами грызть, зверем рычать! Щепки в восемь сторон брызжут, на весь лес треск-хруст стоит. Сосна шатается, норовит отца наземь сбросить, а не может — вцепился клещом! В тряске и жути прошло какое-то время, луна к западу повернула. У отца руки замерзли, пальцы вот-вот сосульками зазвенят и отвалятся... Начал молиться богам, чтоб взяли душу раньше, чем мертвец до него доберется. И вдруг, словно из-под земли, еще кто-то показался внизу...

— Кто?!

— Он сам, Торулас! Держит в руках подобранный топор и смотрит вверх на него!.. Взмахнул топором и отсек шаману башку. Поскакало безголовое тело к колоде, внутрь послушно нырнуло. Дух-двойник повелел отцу отыскать оттяпанный нос, воткнуть на место и схоронить покойника. Молвил это — и сгинул, будто поблазнился. До утра жег отец костры и мерзлую почву для могилы копал, весь день искал в сугробах пропажу. Не нашел. Испугавшись наступления вечера, предал земле безносого.

Манихай, охая, встал и потянул упертого быка за продернутое в ноздрях кольцо. Тот повел на хозяина влажным оком и не спеша тронулся к близким взгорьям Крылатой Лощины.

— Что после-то было? — Дьоллох нетерпеливо дернул отца за рукав.

— После... э-э... летом пришли в долину тонготы, — проговорил Манихай, с трудом заставляя ноги передвигаться. — Сообщили, что к северу от Эрги-Эн объявилось проклятое место — алас с одинокой сосной, и кто-то там под землей воеет страшным голосом, требуя возвратить то ли глаз, то ли нос, а если не отдадут — бедами грозит Элен... Отправился отец в лодке на левый берег. Мало не весь алас на коленях исползал и отыскал-таки в траве порядком истлевший нос. Потом колоду с покойником выкопал. Только открыл ее — ожившая башка вскочила на косицы, как на ножки, завизжала злобно. Но вернулась потеря — утих шаман, скопился на нос, довольный. И раздался шум-треск: кривая сосна выпрямилась. Глянул отец в колоду, а чародейская голова лежит уж гни-

лая, полная жирных червей... С той поры и захирел наш старик. Как ни упрасивали, легенды на праздниках больше не сказывал. Начал точить его сердечный недуг. С этой невзгодой и двойник не сумел справиться. Никому не под силу поменять больное сердце на здоровое, ни духам, ни даже богам.

Дьоллох открыл было рот для вопроса, но Манихай полагал, что сполна рассчитался за сегодняшнюю помощь и опередил сына:

— Все, пострелята. Другую историю потом расскажу... если будет за что.

Тут и дом показался у мыса.

К поезду собирались снарядиться засветло, но к утру Лахса никак не могла добудиться Манихая. Уработался, видно, на летнике, едва приполз ввечеру. Проснулся сердитый, заворчал, что копылья в полозьях саней потрескались, могут не выдержать тяжести скарба и сокрушиться в дороге, да радуйся, если не в лужу. Прихватив бурдючок с кумысом, отправился с Дьоллохом к соседу, плотничающему по мелочи. Илинэ убежала к коровнику укладывать телят в камышовые корзины.

Еще давеча, сворачивая свою постель, Атын заметил втиснутую в углу между жердями берестяную завертку. Самое время вынуть, посмотреть, что там такое. Кто-то постарался сунуть комочек поглубже, пришлось расковырять мох в щели ножом. Береста раскрошилась в руках, и мальчик вскрикнул от изумления: в ладонь его лег маленький темный идол, чуть тронутый белесоватым налетом.

Атын встал у окна, с недоумением взгляделся в овальное тельце, хрупкое на вид, но довольно жесткое и костистое на ощупь. Ссохшаяся, сморщенная куколка напоминала одновременно птенца-голыша, гигантского паука, а больше всего — человечка. Уродца с пригнутой к груди головкой величиной с сосновую шишку. Во впадинках глазниц под покатым лбом виднелись плотно сомкнутые, чуть вдавленные веки. Руки как лучинки, кулачки прижаты к подбородку. Скрещенные лапки-ножки воздеты к животу в тонких

волнах ребрышек. Умелец, смастеривший идола, умудрился даже пальчики на ножках изобразить, вплоть до мизинцев.

Для чего эта поделка, кому принадлежит? Из какого неведомого вещества сотворена? Ясно, не из глины, не из дерева. Похоже, составлена из косточек грызунов и обтянута тонко выделанной кожей, а после кожа крепко подсохла на человечке, пока в щели дожидался. Атын поднес его к носу: пахнет заплесневелой мышинной шкуркой... Вот удивятся брат и сестренка! Правда, идолами нельзя играть. Но, может, это не идол?

Мальчик помедлил, не решаясь подойти к Лахсе, спросить у нее, откуда взялась чудная куколка.

Прошлой весной Манихай объяснил ему, что он не родной в этой семье. Атын пережил сообщение стойко и больше не называл Лахсу матерью. Теперь он старался обращаться к ней как можно реже, скупая по ее ласкам и стыдясь сам не зная чего. Но тут, взволнованный диковинной находкой и тем, что они с Лахсой дома одни, поддался порыву, подбежал и уткнулся ей в грудь:

— Матушка!

Лахса от неожиданности уронила на пол свернутый узел.

— Я... человечка... нашел в стене, — сбивчиво проговорил Атын, не поднимая головы.

В другое время Лахса бы возликовала, обняла любимого сына крепко-крепко. Ужели он ей не сын? Ну и что, что кузнецова женка носила его девять месяцев и вывела жить на Орто! А кто грудью вскармливал, кто растил-воспитывал, от болезней спасал, недосыпая ночей?!

Жгучая ревность донимала Лахсу с тех пор, когда она вдруг сердцем поняла, что близится время ухода сына к чужой женщине, палец о палец не ударившей ради него. Ломало и корежило от мысли о том, что Урана, благосклонно приняв готовое, примется вить в душе мальчика свое гнездо... И не будет в новой жизни Атына места Лахсе, станет она для него нянькой-кормилицей, чей долг довершен и оплачен сполна. А мальчику каково близких покидать, перебросившись, будто из одной страны в другую, колючим ветром Дилги? Чужая станет семья.

Ах, чужая!.. Слово, костью встающее в горле! Дьоллох заранее